

Любовь
Новикова

Сирени
цвет

**Любовь
Новикова**

СИРЕНИ ЦВЕТ

Любовь
Новикова

*Сирени
цвет*

лирика

Ярославль
Верхне-Волжское
книжное издательство
1988

Новикова Л. Н.

H73 **Сирени цвет: Лирика. — Ярославль:**
Верх.-Волж. кн. изд., 1988. — 80 с.

25 коп.: 3000 экз.

Пытливый взгляд на жизнь, задушевность интонаций, неподдельный драматизм переживаний — вот основные достоинства стихов молодой поэтессы, чье гражданское и нравственное сознание формируется на основе труда и выношенной у сердца любви к родной земле, обостренного чувства доброты и сострадания к человеку.

«Сирени цвет» — первый поэтический сборник автора.

H 4702010200—79
M139—03—88 39—88

P2

Среди людей

Голос

Я не имею права быть не гордой
И выплетать узоры хилых слов.
Я — голос моего большого рода,
Молчавшего в течение веков.

Ах, чем я честь такую заслужила?
Не для меня ли вся моя родня
Пахала землю, молча хлеб растила
И берегла свой голос для меня?

Я не умею ни пахать, ни сеять,
Но я — не отмирание основ.
Я говорю все громче, все сильнее,
Я задыхаюсь от наплыва слов.

Моим врожденным силам края нету.
Теперь не знать мне отдыха ни дня.
Ведь не от бога стала я поэтом —
От голоса молчавших до меня.

На южном вокзале

На перроне вокзала
Торговала старушка
Горкой грецких орехов,
По полтиннику кружка.

Но, видать торговала
Не для лишний копейки —
Было тесно заплатам
На ее кацавейке.

А еще говорили,
Будто брошена сыном...
На перроне вокзала
Неуютно и сыро.

И все дальше от дома
Увозил меня поезд...
Не твоя ль это мама?
Не моя ль это совесть?

И снова надо мною листопад,
И с неба раздается крик знакомый.
Из дома птицы за теплом летят,
А люди от тепла летят из дома.

Теперь уже назад не повернуть.
И, что бы я про то ни говорила,
За птичьей стаей на земле мой путь,
Мне птичья стая высоту открыла.

Но оглянусь назад, подняв крыла,
И задохнусь тоскою небывалой:
А стоит ли все то, что я нашла,
Того, что я навеки потеряла?

Трудные думы

Что ж теперь, умереть раньше смерти,
Проклиная последние дни?
Вот родятся хорошие дети
И додумают думы мои.

Дошумят, допоют, доскандалят,
Доживут и оставят вдали
Эти долгие думы-печали
О судьбе моей отчей земли.

О судьбе — о проселках бурьянных,
О холодной сосне на юру,
О церквушке, укрытой туманом,
И о том, что я тоже умру.

И о том, что поднимется ветер
И погаснут за речкой огни...
Неужели додумают дети
Эти трудные думы мои?

* * *

И все-таки я знаю эту дату,
Ту, самую последнюю на свете,
Которую, как принято считать,
Никто не знает, разве только бог.
Я знаю.

И поэтому живу вот так — взахлеб,
Не оставляя даже и минуты
На склоки, ссоры, ложь и суесловье.
Мне некогда плутать в определенных
Понятий вечных.

Может быть, и вправду
Нет между ними разницы,
И я их приняла в таком простом обличье —
Смеется человек, и это — счастье.

А плачет — значит, плохо человеку.
Мне некогда считать свои ошибки,
И если это людям интересно,
То пусть они потом их сосчитают.

А я не знаю, как иначе жить,
Когда душе известна дата смерти.
Но даже если б я ее не знала,
Как жить иначе,

Если я невольно
Все время слышу тиканье часов.
Как тиканье взрывного механизма...

Осеннее

Просветлели леса, потемнела вода.
На земле золотые стоят холода.
И сказала мне женщина, боль притаив:
«Ну, чего б я печалилась в годы твои».

И вздохнула чуть слышно и тихо ушла.
Что-то важное в жизни она поняла.
Так любую порою, в любые года:
Просветлеют леса — потемнеет вода.

* * *

На помутневших рельсах лунный холод.
Тут до утра не ходят поезда.
В который раз я покидаю город
И для чего-то прихожу сюда.

Вдоль насыпи — полет случайных листьев,
Шуршит роснотый гравий под ногой.
В ночной прохладе ласково и мглисто
Разлит какой-то бережный покой.

Потом в траве зашевелится ветер,
Туман осядет, холоден и чист...
Я встречу поезд рано на рассвете
И не спеша сойду с откоса вниз,

* * *

Облетает роща, облетает...
В парк спешат последние трамваи.
Простучат, и снова тихо станет.
Я пишу стихи на память Жанне.

Память... Память... Что такое память?
Девочка с печальными глазами
Посреди детдомовского гула
Подошла и на меня взглянула.

За окошком все темней и тише.
Что ей скажешь и про что напишешь?..
Жизнь одна, она дана нам в радость?
Мир устроен правильно, как надо?

Все, что сложно, завтра станет просто?
За зимой всегда приходят весны?
Наступает встреча за разлукой?
Господи, за что такая мука!..

* * *

Речной вокзал. Предзимняя пора.
Степенно ходят галки по причалу.
Я вижу, как сюда по вечерам
Идет старик походкою усталой.

И долго-долго, сгорбленный, чужой,
Недвижно он стоит у парапета.
И никого. Лишь темень над водой.
И волны глухо охают под ветром.

А тут, на взгорье, в лиственной сени,
А тут, где я, под липами бульвара
Опять горят веселые огни,
Смеются дети и гуляют пары.

И так спокойно-ясен каждый миг.
И так легко среди людей и света.
Когда б не этот сгорбленный старик,
Чуть видимый во тьме у парапета.

* * *

Рукавицы бросила на стол,
Снег с мохнатой пубки отряхнула,
Все еще не веря, что ушел,
Вслушалась и радостно вздохнула.

«Ох, и заживем теперь вдвоем!
Как его скандалы надоели...
Не квартира — сумасшедший дом,
Ведь предупреждали, в самом деле».

А потом неспешно мыла пол,
Прошрое стирая с пленкой пыли.
И мелькнуло: «Раньше бы ушел,
Вот бы мы спокойно с дочкой жили».

Удивилась этой простоте,
Замерла, выкручивая тряпку.
Глядь — чернеет шапка на тахте.
Спохватилась: «Как же он без шапки?»

* * *

До сей поры я к жизни не привыкла.
И каждый день — открытие для меня.
Ведь это чудо!
Дерево поникло,
Ложится снег, и небо вижу я.

На свет мой только птицы залетают,
Порой и радость не с кем разделить.
Ведь это чудо!
Бьют меня, ругают,
А я живу, и правится мне жить.

Пишу тебе. Порыв мой не осудишь?
Ты ж понимаешь, я тебе не лгу.
Ведь это чудо!
Ты меня не любишь,
А я представить даже не могу...

Мои мечты ранимы, словно дети,
И вновь над ними хмуры небеса.
Ведь это чудо!
Нет чудес на свете,
А я живу и верю в чудеса.

В цирке

Трос потрогала руками,
Оттолкнулась — и в полет.
А ее ведь дома мама,
Как всегда волнуясь, ждет.

Там, под куполом звенящим,
Стал обычным делом риск,
Он зовущий,
Он манящий
И грозящий срывом вниз.

Платье радугой сверкает,
И улыбка на лице.
Не поверю, что земная
И такая же, как все.

Будто вдруг под своды храма
Снизойшла с небес звезда...
Только старенькая мама
В цирк не ходит никогда.

* * *

Есть на свете мальчишка,
По прозванию Ромашка.
Он в зеленых штанишках,
Он в зеленой рубашке,
Разметались вихры
Бело-белого цвета,
А поверх золотая панамка
Надета.

Было грустно мне что-то,
День был трудным и длинным.
А Ромашка работал —
Строил город из глины.
На меня исподлобья
Он поглядывал косо.
Мне б задачи его,
Мне его бы вопросы.

Только вдруг он сказал
Неожиданно громко:
«Не горюй, мне не жалко,
Я дарю тебе город».
«До свиданья», — сказал,
Протянул мне ладошку...
Где ты, с кем ты теперь,
Мой мальчишка хороший?

Сколько лет пронеслось,
Беды, радости были.
Больше мне никогда
Городов не дарили.

Первый день зимы

Напрасно я ищу ее приметы.
Зима лишь на листке календаря.
А на дворе, в неярких бликах света,
Все то же продолженье ноября.

Вчерашний ветер вновь сегодня кружит,
На низком небе та же кутерьма.
И пряный воздух, и листва, и лужи...
Но я-то знаю, что уже зима.

У дороги

Стоит старушка у дороги
Под сводом светлых тополей.
Не пряча глаз сухих и строгих,
Стоит старушка у дороги
И просто смотрит на людей.

И ничего ей не осталось.
И ничего не нужно ей.
Лишь перед смертью эта малость —
Не суется, не отрываясь,
Власть насмотреться на людей.

Удивленье

И снова снег.
Уже в который раз.
Летит и не боится повторенья.
Хватило б сил теперь свой каждый час
Мне уподобить снежному движенью.

Вот так лететь, вот так легко дышать,
Прорвавшись сквозь великие обиды,
Для радостной улыбки малыша,
Который никогда тебя не видел.

Не забывая в жизни ничего,
Не сторонясь забот своих насущных,
Святое удивленье одного
Принять как удивленье всех живущих.

Обманутой — себя доверить всем.
Творить добро из зла и неудачи.
Вот так и жить.
Не ведая, зачем
Хочу я жить вот так, а не иначе.

Гоголь

Поколебали веру в бога...
Укрывшись от досужих глаз,
Сидит нахмурившийся Гоголь
И что-то думает про нас.

Сквозь гул спешащих тротуаров,
Сквозь шум эпох, сквозь мрак и дым
Он, словно ось земного шара,
Монументально недвижим.

Мой путь означен и измерен.
Не разорвать сужденный круг.
Не то что в бога я не верю,
Мне просто думать недосуг.

Мне просто дел вседневных много
И от забот продыху нет.
Сидит нахмурившийся Гоголь
Уже вторую сотню лет.

И все мы — звери, птицы, люди —
В пылу движенья своего,
Хотим ли, нет, но вечно будем
Вокруг него, вокруг него.

На дне морском

Крутые волны бьются об откос.
Шумят, бушуют на седом просторе...
Уходят мужики на сенокос
По дну большого Рыбинского моря.

Стенные восходят голоса,
И теплый шелест слышен в разговоре.
Шумят, гудят дубовые леса
На дне большого Рыбинского моря.

Густым дыханьем шума своего
Они уставших косарей остудят...
А впрочем, ложь.
Там нету ничего.
И больше никогда уже не будет.

Музыка

В густую полночь выплыла луна.
И вдруг я различила в свете зыбком:
На резком фоне яркого окна
Играл мятежно человек на скрипке.

Лицо его мне заслоняла мгла.
Мелодия была едва весома.
Но я остановилась, замерла.
Мне что-то показалось в нем зыбкомым, —

В незащищенном профиле его,
В движенье рук непоправимо-грустном.
Паверно, в доме нету никого.
Паверно, рядом холодно и пусто.

Печально звуки легкие дрожат,
Слетая в ночь с руки крылато-гибкой.
В огромном мире мучится душа.
А слышно только, как играет скрипка.

Перепутье

Сложилось так, что лучше не найти.
Ведь даже и у сказочных героев
На перепутье было три пути,
А мне всего лишь два дано судьбою.

Всего лишь два пути — добро и зло.
Всего лишь два пути — забыть и помнить.
И до сих пор мне вроде бы везло...
Так отчего же вечно нелегко мне?

Так отчего ж, как перед тупиком,
Искали и нашли мы для спасенья
Свой третий путь — между добром и злом,
Меж памятью дорогу и забвеньем.

Так что ж роптать мне на судьбу свою.
Все в жизни у меня почти как в сказке.
Одна на перепутье я стою.
И три пути. Да только без указки.

Два взгляда

Иду вдоль причала
Речного вокзала.
Смотрю — мне навстречу
Девчонка одна.
Одета по моде,
Красивая вроде,
А то, что одна,
Не ее в том вина.

В сегодняшний вечер
Морозит полегче,
И первым подснежником
Пахнет февраль.
Но вот ведь досада —
Идет и не рада.
В природе — улыбка,
На сердце — печаль.

Как мало для счастья
Мгновенья участия.
Я с жалостью женской
В глаза ей гляжу.
И вдруг — как прозренье —
Не боль, не смятенье,
А жалость к себе
В тех глазах нахожу.

* * *

Я город изучала по крестам
церквей старинных.
Я еще не знала
тогда названий улиц
и маршрутов
автобусных.
Я шла себе и шла,
как богомолка,
от креста к кресту.
И между ними открывала царства
мостов, деревьев,
площадей, фонтанов,
пока не научилась разбираться
в неповторимом лабиринте улиц.
Потом, бывало, в городе чужом
я заплутаю,
сразу по привычке
глазами я ищу высокий крест
и выхожу из тупика...
Но почему я вспомнила об этом?
Неужто потому, что я впервые
попала нынче в город молодой.
Попала в город
без крестов церковных.

* * *

Что же я про детство в детстве знала?
Сколько помню, все рвалась вперед.
Все чего-то в нем недоставало,
А теперь его недостает.

Если б мне об этом знать сначала,
Я б взяла хоть малость про запас.
Что же я про детство в детстве знала?..
То же, что про молодость сейчас.

Улыбчивое

Дрожит весна на ноте «соль»,
Срывается, уходит.
И на термометре — ноль-ноль,
Счет не открыт в погоде.

И по утрам еще мороз
Кусает нос и уши.
Но приглядитесь — началось
Цветение веснушек,

У театра

Прислонясь к колонне у дверей,
Изучала старые афиши.
Вот и не пришел он нынче к ней,
Первый раз в руке билетик лишний.

Разлюбил? Уехал? Павсегда...
Тут, среди людей, ей показалась
Тяжелей всех бед ее беда,
И до слез сдавила сердце жалость.

Кто поможет, кто найдет ответ...
Паренек из-за колонны вышел,
Незаметно спрятал свой билет,
К ней шагнул, спросил: «У вас не лишний?»

О тебе

Снова ночь бессонна и тревожна.
И темно, и грустно от дождя.
Есть ты где-то.
Быть того не может,
Чтоб на свете не было тебя.

Ходишь где-то сильный, сероглазый
По чужим, неведомым путям...
Так вот напридумываю сказок,
А потом не снится по ночам.

Окно в окно

Окно в окно, глаза в глаза
И о любви слова ненужные.
Цельзя назад, вперед нельзя,
Женатый он, она — замужняя.
Как в первый раз сошлись вдвоем
Окно в окно,
Теперь не вспомнится,
Но с той поры в дому своем
Бездомник он, она — бездомница.
Перебежать бы узкий двор,
Боль близких перейти уверенно..
А были б окна не в упор,
Все шло б спокойно и размеренно.

Когда в тебя не верят

Что, прикрутило?!
Вот теперь держись.
Так холодом ожгло, что сердце сжалось!
Теперь лишь только и начнется жизнь,
Когда с овчинку небо показалось.
Когда сказали всюду: «Не судьба».
И все перед тобой закрыли двери.
Поверь попробуй в самос себя,
Когда никто в тебя уже не верит.
Попробуй разберись наверняка,
Да так, чтобы потом не гнуться с краю:
Что это — топят глупого щенка
Или стальную силу закаляют?

В общежитии

Сказала: «Побудь с ним немножко».
И вновь на неделю пропала.
Давно мы сдружились с Антошкой —
Мальчишкою трехгодовалым.

Кому-то и горе, да мало,
Кому-то и счастье не в счастье.
Его непутевая мама
О нем вспоминает не часто.

Мешает он ей, непоседа,
Жить так, как ей житься могло бы.
Возьму вот его и уеду,
Найди-ка нас после попробуй.

Да станут искать ли нас после?
Как просто ведь все, как спокойно.
Ах, если б он был нынче взрослым!
Ах, если б он все это понял!

Но он понимает так мало.
Глаза распахнет на рассвете
И кличет доверчиво: «Мама!»
А мне ему нечем ответить.

Мать

В этот старенький дом прихожу я опять.
И опять ты меня как родную встречаешь.
Беспокойная женщина. Старая мать.
Ты ведь все про меня, про бездомную, знаешь.

Так чего ж ты молчишь, ты ведь помнишь о том,
Что в неблизком краю ковылей да лиманов,
Сторожа опустевший, холодный наш дом,
Одинокой живет моя добрая мама.

Так потрбуй ответа, чего же ты ждешь?
Ты спроси — почему я от дома далеко.
Обвини ты меня, обличи, растревожь,
Что бездумна, скажи, и, конечно, жестока.

Но опять ты неслышно подходишь ко мне
И опять говоришь мне встревоженно-прямо:
«Чай, не сладко тебе на чужой стороне».
И глядишь на меня, и вздыхаешь, как мама.

Красота

Шла по тропиночке
Между березами,
Тонкая-тонкая,
В белом и розовом,
Шла не спеша
И как будто лучилась,
Солнце за ней, за лучистой,
Катилося.

И — никого!
Только небо глубокое,
Только земля
С лебедой да осокою...
Где же вы были, ребята,
Что делали,
Что ж не ходили
Березами белыми?

Вот ведь обидно-то
Как получается —
Вся красота
В никуда излучается!
В солнечных крапинах
Между березами
Тонкая-тонкая,
В белом и розовом...

Вечер печали

Я сегодня одна. Без врагов, без друзей.
И на улице дождь нескончаем.
В тихом сумраке комнаты тесной моей
Начинается вечер печали.

Не от праздной тоски уходящего дня.
Не от скуки и не от досады.
Просто слишком запуталась жизнь у меня.
И о многом подумать бы надо.

От стены до стены не спеша походить,
Повздыхать да с собой поскандальить.
Просто должен однажды у каждого быть
Вечер совести, вечер печали.

* * *

Разгорююсь, чего тут скрывать.
Распечалюсь о собственной доле.
Только вышла из боли — опять
Задышется сердце от боли.
Не понять мне — что там, в глубине.
И не высказать горя словами,
Не помогут друзья, только мне
В этот час как-то легче с друзьями.
Если б дом мой забыла беда,
Если б путь мой был чист и нетруден,
Как смогла бы узнать я тогда,
Что на свете есть добрые люди?

Про кошек

И смех и грех, признаться вам, ей-богу,
Такая непредвиденная быль:
Вчера мне кошка перешла дорогу —
И кошку задавил автомобиль.

А я живу с душой больной и чистой
Пусты и бесконечны дни мои.
Я почему-то полюбила Листа.
Хожу и грежу «Грезами любви».

Хожу с невосполнимою потерей
И, ничего не делая, живу.
Поклонница примет и суеверий,
Я ничему не верю наяву.

Но студит душу странная тревога,
Куда ни ступишь — всюду край.
Я нынче кошке перешла дорогу.
И кошка угодила под трамвай.

Завистнику

Для чего-то ж он меня разыскивал,
Мой завистник.
Что́ я для него?
В дом свой пригласила я завистника.
Правда, нету дома своего.

Нету, что ж, а для него отыщется.
Для него на все готов ответ.
Покажу ему я денег тысячи!
Правда, жаль, что денег в доме нет.

Я такого наплету из малости,
Что аж дух захватит от вранья.
Пусть уж лучше лопнет он от зависти,
Чем решится пожалеть меня.

* * *

А знаешь, с чего начинается буря?
Спит теплый младенец в колясочке детской.
Он дышит, и в воздухе зябком и хмурым
Едва ощутимо дрожит занавеска.

От дрожи ее, незаметной, неслышной,
Чуть вскинется лист на березовой ветке,
Толкнется в другой, и уже заколышет
Холодные листья разбуженный ветер.

Пройдет по изнеженным дремою кронам
Походкой летучей, как будто и не был.
И звуки разбудит, скрипучие стоны,
И к небу рванется. И взбьется небо.

И звезды погасит, и в тучах забьется.
И вдруг затаится, дышать перестанет.
И дрогнет.
И женщина в доме проснется.
Мгновенно закроет забытые ставни.

Потом беспокойные окна зашторит,
Потом одеяло поправит на спящем.
А знаешь ли ты, где начало у горя?
А знаешь ли ты, чем кончается счастье?

Как разгадать?

С ума схожу? Кошмар меня тревожит?
Я слышу скользкий шепот за спиной
И злобный смех.
Но оглянусь — и что же?
Мои друзья идут вослед за мной.

Спокойны их доверчивые взгляды.
Доверчивы надежные шаги.
Пойду.
Из-за спины, как из засады,
Злословят вновь незримые враги.

И страшно мне... Все нервы износились.
Двонется слух, сознание мое.
Я приписала б все нечистой силе,
Когда бы только верила в нее.

Уже я слову доброму не рада.
Я стала настороженно больной.
Как разгадать — где истина, где правда —
Перед глазами или за спиной?

* * *

Согласна я, что время вправду лечит.
Чего скрывать — проходит год-другой,
И забываешь имена, и встречи,
И лица тех, кто встретился с тобой.

Так отчего ж, забвением хранима,
Страницы дней безликих вороша,
От года к году все необъяснимей,
Все тяжелее мучится душа.

Придавленная горькою недолей,
Чтоб знать, с кем мне тягаться до конца,
Пытаюсь я припомнить имя боли...
Ни имени, ни встречи, ни лица.

И вот когда, отчаясь и озлобясь,
Заблудится в забвенье боль моя,
От времени врачует душу совесть.
Тогда она и врач мне и судья.

Ромашки

Откуда свалился он в город?
Детина, весь грязный, как черт,
Побрит и, похоже, немолод,
И надо ж — ромашки несет.
В руке задубелой и темной —
Неистово-белый букет,
Такой беспощадно огромный,
Что люди косятся вослед.
Не видит.
Бушлат нараспашку,
Он прямо на ветер идет,
Как будто не просто ромашки,
А душу кому-то несет.

* * *

Вот уже и руки огрубели.
Вот уже у глаз легли морщины.
Вот уже и...
Боже, неужели осень?
Осень.
Дождь в окошках стынет.

Вот уж люди и пальто надели.
Вот уж стала ночь холодной, длинной.
Вот уже и...
Боже, неужели
Я старею?
Руки. Дождь. Морщины.

Кубик

Вчера под вечер дождик моросил,
И всюду лужи блещут на перроне...
А этот кубик кто-то позабыл
В пустом вагоне.

И вот я привезла его домой.
Рука, букварь, остаток чьей-то маски...
Который день лежит передо мной
Осколок незнакомой детской сказки.

А там, далеко, неизвестно где
Малыш печальный по квартире бродит,
Перебирает кубики весь день
И так и сяк, а сказки не выходит.

В дождливой тьме не видно ничего.
Включу я лампу и окно зашторю.
Быть может, это первое его
Большое человеческое горе.

Подорожник

Как сказать мне — люди, осторожней!
Больно ждать и нелегко любить.
Не растет зимою подорожник,
Трудно раны зимние лечить.

Как словами душу мне измерить,
Рассказать ее и не сгореть.
Не за тем, чтобы заставить верить,
А чтоб захотели пожалеть.

Не стыжусь. Чего мне тут стыдиться?
Не боюсь бессильною прослыть.
Если средь людей пришлось родиться,
У кого ж мне помощи просить?

Но вокруг все тише, все тревожней.
Снег. Над снегом облака плывут.
Мне б упасть душою в подорожник,
В ласковую, теплую траву.

* * *

Сколько минуло зим!
Только снова зима.
Только снова мне стыть суждено.
И ложится холодная, долгая тьма
На мое голубое окно.
И чего ж мне еще от зимы ожидать?
Только темень да злая пурга.
Только жить-поживать,
До весны доживать,
Только ждать, когда стают снега.
А пока бесприютный ложится рассвет,
Сесть бы, сжаться, не двигаясь, тут...
Сколько минуло зим, сколько минуло лет,
А они все идут и идут.

* * *

С виду вроде незаметна,
Но в глазах, как в западне,
Притаился цвет сирени
Глубоко, на самом дне.
Не заметишь — не приветишь,
А заметишь — не пройдешь,
А взглядишься — изумишься
И навеки пропадешь.
Голова от счастья кругом.
И уже не отойти.
И сиреневая выюга
Заметет назад пути.

Ты свою мне доверил печаль

* * *

Кто сказал, что написано все о любви?
Прижилась, убаюкала душу молва.
Разрушая права и привычки мои,
Ты ушел, и рассыпались прахом слова.

Я искала тебя среди тысячи строк
У великих и признанных мира сего.
Хоть бы образ один, хоть бы дальний намек.
Оказалось, что нет о любви ничего.

Я искала в себе отражение твое.
Я слова подымала из мрачных глубин.
Я входила в их смысл, в их порыв и полет.
Оказалось, что нету мне слов о любви.

Затаилась в глазах моих черная боль,
Заслоняя меня от печалей других.
Кто сказал, что написано все про любовь,
Что поведано все о печалях моих.

* * *

...А до тебя жила я, как во мгле,
И жизнь свою не понимала даже.
Теперь я знаю — есть ты на земле,
А где ты, с кем ты, разве это важно.
И большего не жду я впереди.
Нет большего уже.
Не оттого ли
Так тихо, так печально льют дожди,
И в слове «боль» не уместиться боли.

* * *

Опять я тебе на письмо отвечаю.
Какой мой ответ? — напишу да порву.
Как я поживаю? —
Тебя забываю,
Потом вспоминаю.
Вот так и живу.

Пишу тебе много, а выскажу мало.
И так мне обидно, что в этом чаду
Так долго ждала я, так долго искала.
А вот повстречала и слов не найду.

Писала — все перья мои затупились,
И нынче ни строчки, ни буквы одной.
Как будто и вправду они расступились
В немом удивлении перед тобой.

* * *

Что ж боялась я идти по льду,
Ты же звал: «Любимая, скорее».
Знала, если я по льду пойду,
До тебя я вмиг дойти сумею.

Но качнулся под ногами лед,
Шевельнулась глубина меж нами.
И решила — по мосту, в обход,
Ведь не зря он встал над берегами.

Сердце заходилось, жгло виски,
От бессилья в голове стучало.
Задыхаясь от слепой тоски,
Как бежала я... и опоздала.

Только снег примятый у ворот.
Шла назад. «Вернись», — кричали люди.
Шла по льду. Стонал и гнулся лед.
Все равно. Тебя уже не будет...

* * *

Синие сумерки, черные липы.
«Не торопись, посидим хоть немного.
Страшно мне, милый, взгляни: вдоль дороги
Встали когтистые, черные липы.

Чудится мне неизбежное горе.
Что-то с тобой ли, со мной ли случится?
Стоит нам только в дорогу пуститься,
Чудится мне неизбежное горе.

Ты улыбаешься: «Глухая, право,
Может быть, хватит плести небылицы.
Что это с нами такое случится?»
И улыбаешься: «Глупая, право».

Синие сумерки. Черные липы.
Как ты спокоен!
Но страшно мне все же.
Не оттого ль, что тебя не тревожат
Черные липы вдоль нашей дороги...

* * *

Ты где-то там. Я где-то тут.
Нас разлучило расстояние.
Пусть у разлуки норы крут,
Мы стерпим это наказание.

Смирим безумие в крови.
Пошлетя встреча нам судьбою.
Но если мы сильнее любви,
То разве мы сильны с тобою.

* * *

Отчего нам разлука случилась?
Отчего нам расстаться пришлось?
Все равно у меня не сложилось.
Все равно у тебя не сбылось.

Разошлись, не любя, не жалея,
Вспоминаем друг друга едва ль.
Но пришел ты с печалью своею
И свою мне доверил печаль.

Что нам делать со встречей своею?
Что нам выбрать с тобою посметь?
И расстанемся мы — пожалеет.
И останемся — будем жалеть.

Месть

Я не уйду из памяти твоей.
Я в ней останусь, как осколок в теле.
До самых до твоих последних дней
В тебе я буду холодом метельным.

Чтоб отомстить тебе хотя б теперь,
Я столько насажаю незабудок
Перед твоим окном...
Пойми, поверь:
Идти мне просто некуда оттуда.

Безысходность

Колющий снег за стеклами шуршит,
Не видно ночи из-за снегопада.
А ты мне горькой правды не пиши,
Уж лучше мне совсем писать не надо.

Пусть упрекают в слабости, бранят.
Но если ты мне — жизненная сила,
Не отнимай надежды у меня,
Когда любви мне в жизни не хватило.

* * *

Опять весна. Опять капель с утра.
А ты ушел. Тебя не переспорить.
Есть у рожденья и любви пора.
И нет поры у смерти и у горя.

Зачем весна? Я не хочу весны.
Ей все равно любовь не приневолить.
В том, что не любишь, нет ее вины.
Ее вина в моей безмолвной боли.

Мне все равно — веселый смех детей,
Грачиный гам и солнечные выси.
Весь мир зависит от любви твоей.
Твоя любовь от мира не зависит.

Бессчетны по земле следы мои,
От искушенья и до искупленья.
Одна пора у горя и любви.
Одна пора у смерти и рожденья.

* * *

Вокруг ни далеких, ни близких,
И можно гадать про свое.
В расщелинах улочек рижских
Плутает спасенье мое.

Готических башен причуды.
Свет моря — глаза не отвести.
Пусть думают добрые люди,
Что вправду за этим я здесь.

Швыряет то дальше, то ближе
Меня сумасшедшая грусть.
И если очнусь я в Париже,
Я вряд ли тому удивлюсь.

Ведь я в этом мире бездонном —
И в строчках, и в каждой судьбе —
Скрываюсь, как вор от закона,
От страшной тоски по тебе.

Величие Домского свода.
Деревья. Бульвары. Река...
Задумчиво время уходит.
Спокойное, как облака.

* * *

Не сложили мы с тобой
Вечный замок.
Вот уеду я домой,
Выйду замуж.

Мужу доброму скажу:
«Мой красивый».
Сына доброго рожу
Всем на диво.

Буду ясно жить, светло —
Век не снилось.
Всем скажу, что повезло,
Что сложилось.

Лишь тогда к тебе вернусь,
Выждав зиму.
«Как живешь, — тебя спрошу, —
Пелюбимый?»

«Как живешь, — тебя спрошу, —
Позабытый?»
«Вот и квиты мы, — скажу, —
Вот и биты».

Лишь потом, придя домой
Все означив,
Крепко мужа обниму
И заплачу.

* * *

Ты не плати мне ни добром, ни злом.
Ты без того к судьбе моей причастен.
Я не из тех лягушек, что потом
Становятся царевнами от счастья.

Я просто не отдам твою стрелу.
И сказку переделаю местами...
Я сторожу болотистую мглу
Своими разноцветными глазами.

Быть может, год пройдет, быть может,
 век,
И жизнь моя без радости остынет,
Но что ты можешь, сильный человек,
Вот здесь, на зыбкой на моей трясине.

Я отплачу тебе добром и злом,
Бессонным одиночеством, слезами.
Ведь ты из тех Иванов, что потом
От слез таких становятся царями.

* * *

А я молчу. Почапп слез не лью.
И писем не пишу. И прочь не еду.
Живу, как будто праздную свою
Тяжелую, ненужную победу.

Твои слова забыла я давно.
Забыла все — от правды до обмана.
И письма неподвижно и темно
Лежат на дне пустого чемодана.

Мне некогда жалеть и вспоминать.
Мне даже думать некогда об этом.
И лето скоро кончится опять.
Осеннее задумчивое лето.

Рябиновые зимы

* * *

У меня обостренное чувство печали.
За окном моим долго вороны кричали.
Ну, чего тут такого, обычные птицы.
А вот сердце болит и ночами не спится.
Я просила врачей — излечить от печали.
Усмехались врачи, головами качали.
Недовольно глядели — мол, вот еще ходят.
Но лекарство нашли. От бессонницы вроде.
Темно-синие тени легли под глазами,
И тревожится совесть, и мечется память.
И в мозгу, как преступнику о преступлении,
Все кричат эти черно-крылатые тени.
Я просила друзей — излечить от печали.
Но вздыхали друзья, головами качали.
Что-то мне говорили про сны и приметы.
Но лекарство нашли — мол, не думай об этом.
И опять посреди полуночи бездонной
Затмевают мне свет эти птицы-вороны.
Что-то где-то случилось, а может, случится.
Зря не станут кричать эти вороны-птицы.
Я просила весь мир — излечить от печали.
Звезды гасли, и кронами липы качали.
Где-то плакал ребенок, а где-то молчали.
И вороны кричали, кричали, кричали...

* * *

В тихом сумраке светятся ивы.
 В тихой речке не дрогнет закат.
 Только чиби́сы громкое: «Чи́и вы?» —
 Беспокойно и долго кричат.
 От тоски или, может, от страха
 За гнездо, за привычный покой
 Так тревожится чуткая птаха:
 Чей ты ходишь — чужой или свой?
 Или, жизнью и смертью хранимый
 Это голос природы во мгле?
 Чтобы вечно мы помнили — чьи мы.
 Чьи мы люди, на чьей мы земле.

Калина

Не медли, дождь, калина накалилась,
 До белого каления дошла,
 Ведь если ты свою не явишь милость,
 То вспыхнет роща и сгорит дотла.

Уже и так под солнцем круглолицым,
 Под слоем зноя вянет ветерок.
 И кажется, не роща серебрится,
 А над калиной стелется дымок.

По хлынешь ты, прохлада неземная,
 С шипеньем шумным в пышный жар
земли...

А после, красным угольем мерцая,
 Калина будет гаснуть до зимы.

Дорога назад

Небо стихло давно, словно снег уже кончился весь.
Словно скоро весна и пора от зимы мне проснуться.
Столько в поле дорог, что, наверное, все-таки есть
Та одна, по которой возможно вернуться.

Много лет пролетело. Мой голос обветрен и груб.
Не узнаешь меня, стала сдержанной я и суровой.
Мама. Мама. И слово безжизненно падает с губ.
Я забыла его, это самое первое слово.

Я чужая тебе. Что ты знаешь о жизни моей.
Я ведь в письмах лгала, что живется мне сладко
и вольно.
Снова снег повалил, стало тише кругом и светлей.
Стало очень светло, так, что даже глазам моим больно.

То-то будет потоп, то-то будет смятенье весной,
Ведь куда ни взгляни — ни конца и ни края сугробам.
А дорога назад, вон она, за моею спиной,
Только я никогда по таким не ходила дорогам.

Встреча

Подойду к тебе этакой кралею,
Надо ж, как тебя жизнь извела...
Позови меня в гости, Наталия,
Как в подругах, бывало, звала.

Позови, посидим, побеседуем,
Мне ведь есть теперь что рассказать.
Может, чем помогу, посоветую.
От кого ж тебе помощи ждать?

Я теперь городская, столичная
И не с кем-нибудь дружбу вожу.
Видишь, платье на мне заграничное,
Да не хуже и в будни хожу.

Что ж ты смотришь с улыбкою стылою,
И вздыхаешь: «Не я тебе суд.
Но езжай-ка домой лучше, милая,
Поживи хоть, как люди живут.

Что ты мечешься, жизнь-то не вечная,
Выйди замуж, детей нарожай».
Эх, Наталья, подружка сердечная,
Не тревожь ты меня, не пытай.

Не пытай ты, отвечу едва ли я,
Хоть тебе отвечай, хоть себе.
Не зови меня в гости, Наталия,
О моей не печалься судьбе,

Счастье

Вот везенье так это везенье —
Сразу трех сыновей родила!
Не смолкает хмельное веселье,
Шум идет от села до села.

Задыхается, рвется трехрядка,
Целый день невпродых от гостей.
Лишь соседка вздохнула украдкой —
Мать, поднявшая трех сыновей.

Соперницы

Что им теперь, казалось бы, делить —
Он выбрал третью, их не примечая,
А им двоим одной тоскою жить,
Одной неизлечимою печалью.

Так отчего ж при встрече всякий раз
Они глядят, друг друга ненавидя,
Так отчего ж с него не сводят глаз
И друг на друга каждая в обиде?

И каждая, при встрече хмурия бровь,
Надеется, что счастье неизбежно.
Какой должна быть сильною любовь,
Чтоб ревновать вот так, из-за надежды.

Сыновья

Надо ж, как неожиданно все сбылось!
Сговорясь, а может, так уж вышло,
Съехались как раз под сенокос
Сыновья в родительский домишко.

Снова он вздохнул живым теплом,
Отходя от грусти понемногу,
Снова рядом за одним столом
Старикова радость и подмога.

Раньше солнца встали наподхват
По давнишней выучке отцовой,
Положили круто первый ряд
И пошли в спокойствии суровом.

И как будто в силе мужики,
А, поди ж ты, с непривычки туго —
Разметались сочные рядки
Вкривь и вкось по выгнутому лугу.

И беды особой в этом нет,
Ведь они же люди городские,
Но вздохнул с укором древний дед:
«Сила есть, а руки-то косые».

Старому вовек не разобрать,
Кто в каком там чипе и почете.
Он всю жизнь привык людей равнять
По крестьянской, по земной работе.

* * *

Так уж вышло-получилось,
Рано липа отцвела,
Пожелтела, облетела,
А теперь опять бела.

А теперь опять бела.
Разговор я завела
Не про липу, что мне липа,
Про сердечные дела.

Не хотела, полюбила
Я сестры мила дружка.
Прилюбила, да отбила,
Не с того ль печаль-тоска.

Не с того ль печаль-тоска.
Как же ты, любовь, горька,
Горше липового цвета,
Тоньше белого цветка.

Прихожу я со свиданья,
А сестренка слезы льет.
Я счастливой быть хотела,
Вышло все наоборот.

Вышло все наоборот.
Кто ж, любовь, тебя поймет?
Колкий снег роняет липа,
А я думала — цветет.

* * *

Опять у дома шепчутся соседки,
Качает головою древний дед.
Приехал к Марье сын, гость, в общем, редкий,
А тут еще сказали, что поэт.

Село мое от жизни не отстало,
И у него есть свой особый счет.
Профессор в нем, артист, два генерала,
А вот поэтов не было еще.

И вроде вида важного в нем нету.
Поди-ка распознай, кто он такой.
Сегодня в степь ушел еще до свету
И с пустом возвращается домой.

Толкуют, будто он всему обучен.
Уж так пропишет, что не будешь рад.
И с матерью его на всякий случай
Почтительно при встрече говорят.

А мать на круглом столике под впшней
Готовит сыну праздничный обед.
«Уж лишь бы что худого тут не вышло,
А так чего ж, пускай себе поэт».

* * *

Па завалинке саманной,
У плетня под бузиною
Мы сидели с бабкой Анной,
Хоронясь в тени от зноя.

«Сын мой был небоек смалу, —
Говорит она, —
И Проня,
Муж покойный мой, бывало,
Пазывал его тихоней.

По хватило, вишь, споровки —
Институт окончил важный
И теперь в командировки
За границу ездит даже.

И живет в самой столице.
Дача есть, своя машина.
Мне ль под старость не гордиться!
Дай бог всем такого сына».

И вздохнула. Беспрестанно
Где-то вжикала литовка —
То сосед у бабки Анны
Луг косил за поллитровку.

Жизнь

Перечитала, подала обратно.
Стихи в газете — это не пустяк.
Чуть голову склонив, сказала: «Складно.
Неужто можно про меня вот так...»

Кончался отпуск, дни бежали споро.
Когда к тебе проститься я зашла,
Сказала ты: «Должно, умру я скоро.
Ты мне, того, газетку бы дала».

...А нынче дом твой птицы заселили.
Степь зацвела у твоего двора.
Погоревали люди и забыли.
Мол, что ж теперь, всему своя пора.

И от всего, чем ты жила на свете,
От красоты твоей и доброты
Осталось только двадцать строк в газете,
Что за божницей сохраняла ты...

А жизнь идет. Что ей потеря эта?
В холодном небе тусклый круг луны.
Шуршит осока. Кругится планета.
И окна дома твоего темны.

* * *

Звонкий смех просыпался восторженно
В чуткую ночную тишину.
Вздрыгнула вода в пруду встревоженно,
Колыхнув дремавшую луну.

Ветер шевельнул деревья квелые
И лениво лег за сеновал.
Во дворе под яблоней тяжелою
Дед проснулся, сонно заворчал.

А девичий смех дробился радужно
Где-то на лужайке за прудом.
Улыбнулся дед, вздохнул и, надо же,
До утра ворочался потом.

* * *

Воспитанной не сказками
И хмурой, словно тень,
Мне хочется быть ласковой,
Когда цветет сирень.
И теплый дух над городом,
Над всей землей плывет.
Мне хочется быть доброю,
Когда сирень цветет.
И светит в дни ненастные.
Как уголек костра,
Сиреневая, ясная,
Хорошая пора.

* * *

**Жили-были подружки.
Обычное дело.
Раным-раненько замуж одна улетела.
Оказалась женою, каких не бывало.
Всем взяла, только матерью так и не стала.**

**Жили-были подружки.
Обычное дело.
Выйти замуж другая совсем не сумела.
Родила она сына, каких не бывало.
Стала матерью, только женою не стала.**

**И с тех пор не встречаются, жизнью разъяты.
Словно друг перед другом они виноваты.
Половинками счастье, а боль без предела...
Жили-были подружки.
Обычное дело.**

Вина

Людка, одноклассница, подружка,
Дальняя разлучница моя,
На твоей на свадебной пирушке
Как тебя в душе корила я!

Не морозом ветки ознобило —
Май раскинул белые крыла.
И не столько я его любила,
Сколько ты счастливою была.

Так была ты радостна, любима,
Что плеснулось горькое со дна:
«Не построишь на чужом, Людмила!..»
Людка, знать, моя во всем вина.

То не дымом по-над полем веет —
Стелется, чадит полынь-трава.
Глянешь ты, и сердце каменеет.
Людка, одноклассница, вдова.

Вроде бы ни в чем не виновата,
Не свершала злого ничего,
Но живу как будто впрямь заклята
Глубинною горя твоего.

* * *

«Эй, Ромка, глянь, какая красота!»
Он подбежал, встал рядышком со мною,
Все оглядел от неба до куста,
Потом спросил: «А что это такое?»

А верно, что такое красота?
Гляжу — и вижу, и не понимаю.
Вот лист, вот жук на кончике листа,
Вот земляника — ягода лесная.

А он стоял и ждал, что я скажу.
И так смотрел, как смотрят только дети,
Стоял и ждал.
И вдруг увидел — жук!
Присел — и позабыл про все на свете.

Ладонь подставил, и в нее с листа
Сползла букашка темно-золотая.
И все.
А что такое красота?
Да я и вправду этого не знаю.

* * *

Ну вот и все, пошло тепло к закату.
Дни потихоньку убывают в ночи.
Я вижу, как сквозь листья и сквозь травы
Едва заметно проступает осень.

Я вижу, как сквозь месяцы и годы
Судьба едва заметно проступает.
Неуловимо и необъяснимо
Жизнь потихоньку убывает в память.

Бессонница

Ночь. Никак не смежить мне набрякших усталостью
век.

Я огня не зажгу. Пусть спокойным окно мое будет.
Пусть продрогшие люди подумают: спит человек.
Спит в тепле человек. Пусть чуть-чуть позавидуют
люди.

Так все разом сошлось, что уже не уйти от себя.
Так меня придавило, что не шелохнуть даже тенью.
И дрожат на стекле две холодные капли дождя.
Или это лица моего отраженье...

* * *

Вот и осень пришла беспредельностью стылой.
Потянуло туманом с полей.
И опять на далеких побережьях Нила
Кто-то ждет журавлей.

А вослед им руками встревоженно машут
И глядят беспокойно в окно.
Только все это нам, только все это наше.
Ну, а птицам-то? — им все равно.

Ждут ли, нет ли их где сквозь тоску непогоды,
Машут вслед ли, глядят издали.
Подчиненные темным законам природы,
Улетают на юг журавли.

И кричат, так, как будто они понимают,
Разрывая тоской холода,
Что никто не поймет их, никто не узнает
Никогда, никогда, никогда.

* * *

Солнечный день. Листопад. Воскресение.
Ходит девчушка по скверу осеннему.
Ходит девчушка, глаза затуманены.
— Чья же ты, девочка?
— Папина, мамина.
— Что же одна? Где пропали родители?
Эй, вы не видели?
— Нет, мы не видели.
— Плакать не надо. Придут, будь уверена.
Я ведь не плачу, а тоже потеряна...

Стихла, глаза округлив в удивлении:
— Вы же большая. Вам плакать не велено.
— Кем же не велено-то?
— Человеками.
— Глупая, мне и велеть это некому.
Просто кричи не кричи, не докличешься.
Просто ищи не ищи, не доищешься.
Просто слезы моей некому вытереть.
Вот и не плачется. Вот и привыкла я.
Вот оттого и душа затуманена.
— Чья же вы, тетенька?
— Папина. Мамина.

* * *

Как много пынче вызрело рябин.
А это значит — быть зиме суровой.
Подались птицы вдаль за клином клин,
Легли трава и листья наземь снова.

Под лед забила зыбкая вода.
Притихли все, укрылись, улетели.
И только люди... Людям-то куда?
И снег упал. И занялись метели.

Как много пынче вызрело рябин.
Стою незащищенной и ранимой,
А па меня безмолвьем всех равнин
Идут, идут рябиновые зимы.

Их стылый жар горчит в судьбе моей,
И пусть, вернувшись, травы, реки, птицы
Шумят, кричат, что люди их слабей.
А людям просто некуда укрыться.

Два измерения

Сколько рек пробежало за поездом темным,
Промелькнули деревни. Прошли города.
Но все так же недвижно, все так же огромно
За вагонным окном золотится звезда.

И, расслабленной сонным горячим недугом,
Показалось мне вдруг сквозь рассудочный дым —
То ли черт нас волочит по вечному кругу,
То ли, может, и вправду на месте стоим.

Поднялась я — и с ног меня сбило движеньем.
И швырнуло меня от стены до стены.
А на черном стекле древним центром вращения
Пламенел неподвижный осколок луны.

Знать, мы время двумя измерениями мерим.
И себя мы по двум измерениям кроим.
Если глянуть на землю — века прошумели.
Если глянуть на небо — на месте стоим.

* * *

Просто поле кругом. Просто звезды.
Просто снег в наплывающей мгле.
До чего ж удивительно просто
Все, что было и есть на земле.

Где ж напутали? Где намудрили
В сотворении бытия,
Что явилось в простом этом мире
Существо под названием «Я»?

Я живу с одиноким сознанием,
Ни во мне, ни со мной — ничего.
Есть в нас разум,
А кто в мирозданье
Знает кроме людей про него?..

Брошу думать и стану березой.
Буду жить у чужого плетня.
Будет поле кругом, будут звезды.
Будет снег оседать на меня.

* * *

Ах, какая звезда нынче с неба упала,
Распахав пополам неподвижность Вселенной!
Сколько долгих веков незаметно сияла,
Чтоб войти в мое сердце паденьем мгновенным.

Зачеркнула бездонность огнем своим грозным.
И не будет се на крутом небосводе.
Но куда-то ведь все-таки падают звезды,
Если их на земле никогда не находят.

Может, ляжет с шипеньем в тяжелое море
И остынет на дне под свинцовым накатом.
Может, камни, что волны выносят на волю, —
Это звезды, упавшие с неба когда-то.

Деревня

Погибает деревня. Ни вскрика, ни оха.
Почернели избушки, устало присели.
Одрахлевшие крыши подернулись мохом.
Покривились плетни и насквозь прочернели.

Словно вдовьим платком повязалась деревня,
Потемневшая, стихшая в горе великом.
И вороны уныло сидят на деревьях,
Надрываясь тяжелым, размеренным криком.

Но прорвался он вдруг долгожданным просветом,
Новый дом голубой за узорным забором,
Будто взмыл на пригорок, подхваченный ветром,
И глядит вызывающе праздничным взором.

Может, встанут посадки, как было издревле,
Трактора по окрестным полям замаячат.
Нет, как липкая плесень по мертвым деревьям,
Расползлись по деревне цветистые дачи.

* ÷ *

..А ведь, в общем-то, мудро старик рассудил
(До чего ж это мудрое все-таки просто) —
Вместо скорбных крестов в изголовьях могил
Посадить величаво-зеленые сосны.

Чтоб живых не пугал этот вечный покой,
Не страшил этот крест, охраняющий душу,
Чтоб прийти и к стволу прикоснуться щекой.
И бессмертные чье-то, как сердце, послушать.

Вырастая из тех нерастраченных сил
К высоте, ускользавшей при жизни, как ветер,
Поднялись бы такие леса на Руси,
Чтоб не стали бояться мы собственной смерти!

И пришедшим склониться у наших могил
Не раснятием предстали мы — ласковым

ветром

До чего ж это мудро старик рассудил.
Он и сам-то, наверно, не знает об этом.

Чувство неба

Не верю, всем ученьям вопреки,
В животное свое происхождение.
Нет, мы должны от птиц произойти,
По тайным, по душевным устремленьям.

В тяжелый час и в час великих дел,
В глухих глубинах и в больших столицах
Нет никого, кто в жизни не хотел
Хотя б однажды обернуться птицей.

Не в море кануть, не в подземный кров
Со всей тщетой высоких устремлений...
Небесный свод и первобытный зов
Сильнее всех разумных уверений.

А как там было? —

Стоит ли гадать.

К чему кроить по тесным меркам небыль
Да разве мало про себя нам знать,
Что мы — живое воплощенье неба!

* * *

Охвачен лес холодной тишиной,
Недвижимы заиневшие ветки.
И сжало душу смертною тоской —
Почудилось, что нет меня на свете.

Что значу я в беззвучной тишине,
Где красота уже сверхсовершенна?
Исчезни я, и так же, как при мне,
Все будет неподвижно и нетленно.

Но вдруг пронесся очумевший вихрь,
Деревья и сугробы сотрясая,
То обходя, то проходя сквозь них,
Все на пути корежа и сметая.

Огромный лось. Он вышел в тишину
И шел, как бунт, подняв рогами ветер.
Шел напролом. Наверно, и ему
Почудилось, что нет его на свете.

Четыре четверти лица

Фотограф мой, любезный, милый дядя,
Улыбкой щедрой беспокоя рот,
Сказал привычно и почти не глядя:
«В три четверти вам больше подойдет».

В три четверти. Приятная забота.
И как сама я не смогла дойти,
Что стоит только стать вполоборота —
И можно злую долю обойти.

А он ведь прав. Он знает, так спокойней.
И не случайно он поставлен тут.
Не мне одной он предложил такое,
Вон сколько в три четверти живут.

Красивее, себе и всем в угоду.
Так нервы крепче и прочней сердца.
Но для чего-то ж мне даны природой
Мои четыре четверти лица.

Содержание

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

- 5 Голос
- 6 На южном вокзале
- 7 «И снова надо мною листопад...»
- 8 Трудные думы
- 9 «И все-таки я знаю эту дату...»
- 10 Осеннее
- 10 «На помутневших рельсах лунный холод...»
- 11 «Облетает роща, облетает...»
- 12 «Речной вокзал. Предзимняя пора...»
- 13 «Рукавицы бросила на стол...»
- 14 «До сей поры я к жизни не привыкла...»
- 15 В цирке
- 16 «Есть на свете мальчишка...»
- 17 Первый день зимы
- 17 У дороги
- 18 Удивленье
- 19 Гоголь
- 20 На дне морском
- 21 Музыка
- 22 Перепутье
- 23 Два взгляда
- 24 «Я город изучала по крестам...»
- 25 «Что же я про детство в детстве знала...»
- 25 Улыбчивое
- 26 У театра
- 26 О тебе
- 27 Окно в окно
- 27 Когда в тебя не верят
- 28 В общежитии
- 29 Мать
- 30 Красота
- 31 Вечер печали
- 31 «Разгорююсь, чего тут скрывать...»
- 32 Про кошек
- 33 Завистнику
- 34 «А знаешь, с чего начинается буря?..»
- 35 Как разгадать?
- 36 «Согласна я, что время вправду лечит...»

- 37 Ромашки
- 37 «Вот уже и руки огрубели...»
- 38 Кубик
- 39 Подорожник
- 40 «Сколько минуло зим!..»
- 40 «С виду вроде незаметна...»

ТЫ СВОЮ МНЕ ДОВЕРИЛ ПЕЧАЛЬ

- 41 «Кто сказал, что написано все о любви?..»
- 42 «А до тебя жила я, как во мгле...»
- 42 «Опять я тебе на письмо отвечаю...»
- 43 «Что ж боялась я идти по льду...»
- 44 «Синие сумерки, черные липы...»
- 45 «Ты где-то там. Я где-то тут...»
- 45 «Отчего нам разлука случилась?..»
- 46 Месть
- 46 Безысходность
- 47 «Опять весна. Опять капель с утра...»
- 48 «Вокруг ни далеких, ни близких...»
- 49 «Не сложили мы с тобой...»
- 50 «Ты не плати мне ни добром, ни злом...»
- 51 «А я молчу. Ночами слез не лью...»

РЯБИНОВЫЕ ЗИМЫ

- 52 «У меня обостренное чувство печали...»
- 53 «В тихом сумраке светятся ивы...»
- 53 Калина
- 54 Дорога назад
- 55 Встреча
- 56 Счастье
- 56 Соперницы
- 57 Сыновья
- 58 «Так уж вышло-получилось...»
- 59 «Опять у дома шепчутся соседки...»
- 60 «На завалинке саманной...»
- 61 Жизнь
- 62 «Звонкий смех просыпался восторженно...»
- 62 «Воспитанной не сказками...»
- 63 «Жили-были подружки...»

- 64 Вина
 65 «Эй, Ромка, глянь, какая красота!..»
 66 «Ну вот и все, пошло тепло к закату...»
 66 Бессонница
 67 «Вот и осень пришла беспредельностью стылой...»
 68 «Солнечный день. Листопад. Воскресение...»
 69 «Как много нынче выросло рябин...»
 70 Два измерения
 71 «Просто поле кругом. Просто звезды...»
 72 «Ах, какая звезда нынче с неба упала...»
 73 Деревня
 74 «А ведь, в общем-то, мудро старик рассудил...»
 75 Чувство неба
 76 «Охвачен лес холодной тишиной...»
 77 Четыре четверти лица

Любовь Николаевна Новикова

СИРЕНИ ЦВЕТ

Редактор О. Н. Николаев
 Художник Е. А. Соколова
 Художественный редактор Ю. А. Пичугин
 Технический редактор В. М. Панфилова
 Корректор А. А. Антонова

ИБ № 1027

Сдано в набор 25.02.88. Подписано в печать 11.05.88. АК00011. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура обычн. новая. Печать высокая. Усл. кр.-отт. 3,53. Усл. п. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,34. Тираж 3000. Заказ 923. Цена 25 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150000, г. Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглавополиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова, д. 8.